

Пахомій и Феодоръ первые основатели киновитскаго подвижничества по греческимъ и коптскимъ сказаніямъ.

(Критическіе наброски)

Пахомій, основатель общежительной формы подвижничества, всегда привлекалъ къ себѣ извѣстную долю вниманія не только въ специальныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи монашества, но и въ общихъ руководствахъ по исторіи церкви. До послѣдняго времени весь матеріалъ, находившійся въ распоряженіи науки касательно Пахомія, ближайшаго ученика его Феодора и устроенной ими формы подвижничества исчерпывался лишь очень небольшимъ греческимъ житіемъ, изданнымъ Болландистами въ *Acta sanctorum*¹⁾, и разрозненными добавленіями къ нему подъ именемъ „*ragalipromena*“²⁾, такъ какъ двѣ другія греческія редакціи житія Пахомія, такъ наз. Суріевская³⁾ и Діонисія Малаго⁴⁾, представляютъ собой лишь позднѣйшую передѣлку житія, напечатаннаго у Болландистовъ. Неуклюжій, варварскій языкъ греческаго житія, отсутствіе въ его рассказѣ всякой логической и хронологической связи уже у Тильмона вызвали догадку⁵⁾, что греческая *Vita* Болландистовъ есть ничто иное, какъ переводъ съ коптскаго, и эта догадка казалась тѣмъ вѣроятнѣе, что, въ самомъ дѣлѣ, странно было бы ду-

¹⁾ Maji, t. III (ed. novissima), Parisiis et Romae, 1866, pp. 22—44

²⁾ Ibid., pp. 44—53

³⁾ Laurentius Syrius *Vitae sanctorum ab Aloysio Lipomanno olim conscriptae*, Coln, 1570—1575; nov. ed. Turin, 1876, t. V, p. 440 sqq

⁴⁾ Migne, *Patr. lat.*, t. 73, c. 227 sqq

⁵⁾ Tillemont, *Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des premiers siècles*, t. VII, 169

мать, чтобы копты, среди которыхъ Пахоміи родился, дѣйствовалъ и наследовалъ память религіознаго героя и идеала подвижничества, не оставили никакого письменнаго памятника о выдающейся личности его и всѣхъ связанныхъ съ ней событіяхъ. Вейнгартенъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о происхожденіи монашества ¹⁾ уже на основаніи однихъ именъ подвижниковъ, упоминаемыхъ въ греческомъ житіе, считалъ вѣроятнымъ коптское происхожденіе начальнаго киновитскаго монашества. На встрѣчу этимъ желаніямъ и явилось открытіе Амелино, профессора высшей школы (*des hautes études*) въ Парижѣ, впервые познакомившаго науку съ коптскими текстами житій Пахомія и Θεодора: а) неполнымъ житіемъ Пахомія и Θεодора на мемфисскомъ или богейрическомъ нарѣчій коптскаго языка (pp. 1—294); фрагментами тѣхъ же житій, сохранившихся на ѳивскомъ или саидскомъ нарѣчій (295—334) и болѣе полнымъ переводомъ ихъ на арабскій языкъ (337—701) ²⁾. Въ качествѣ дополненія къ этимъ главнымъ документамъ онъ опубликовалъ еще новый рядъ фрагментовъ тѣхъ житій ³⁾, и въ предисловіи къ первому своему изданію, а также въ особо написанномъ имъ изслѣдованіи о Пахоміи и основанномъ имъ киновитствѣ ⁴⁾, выступилъ съ энергичной защитой подлинности и первоначальности новооткрытыхъ имъ коптскихъ документовъ. По развитой имъ теоріи, первое житіе Пахомія появилось на свѣтъ на ѳивско-саидскомъ нарѣчій коптовъ, на которомъ говорилъ самъ Пахомій и вся родная область его, и написано было, какъ говорятъ сами коптскіе источники, подъ диктовку знаменитѣйшаго ученика его Θεодора лѣтъ двадцать спустя послѣ смерти Пахомія. Авторами этого перваго житія были копты, „братья переводчики“, знавшіе хорошо и мѣстный коптскій и греческій языкъ. Очень вѣроятно, что эти же самые братья около того же времени сдѣлали и

1) *Der Ursprung der Monchtum in nachconstantinische Zeitalter.* Gotha, 1877, s. 49.

2) *Annales de Musée de Guimet*, t. XVII, Paris, 1889, *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne au IV siècle.*

3) *Mémoires, publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire*, Paris, 1889, t. IV, p. 1—2.

4) *Étude historique sur Pachôme et le cénobitisme primitive dans le Haute-Egypte* Paris, 1888.

греческій переводъ составленнаго ими житія для иностранцевъ, прибывавшихъ въ обители Пахомія, но эта древняя греческая редакція жизни Пахомія совершенно погибла для нашего времени. Найденная на мемфисскомъ нарѣчїи жизнь Пахомія и Феодора представляетъ собой переводъ тоже первоначальной редакціи житія Пахомія, но не точный, а сокращенный и предпринятый въ тенденціозныхъ цѣляхъ,—составленный въ первой половинѣ 5-го вѣка. Самымъ цѣльнымъ и полнымъ переводомъ начальной жизни Пахомія долженъ считаться арабскій переводъ ея, возникшій съ XIII—XV вв. Въ промежутокъ между этими хронологическими данными возникли отмѣченныя выше греческія редакціи, авторы которыхъ каждый, по своему вкусу, исправляли и дополняли первоначальную греческую жизнь подвижника. Что же касается до Рагаліромена (совершенно отрывочныхъ сказаній, дополняющихъ собою греческую жизнь Vita, изданную Болландистами), то они суть дѣло копїиста, который, найдя болѣе подробный рассказъ о тѣхъ же событіяхъ, на поляхъ имѣвшейся у него рукописи полного житія помѣстилъ всѣ тѣ факты, какіе не встрѣчались въ имѣвшемся у него спискѣ ¹⁾.

¹⁾ Паралипомены,—этотъ подозрительный источникъ,—мы вообще не будемъ имѣть въ виду въ нашихъ дальнѣйшихъ наброскахъ И Троицкія. вслѣдъ за Тильмономъ утверждаетъ: „доказывать подробно, что Паралипомены не составляютъ извлеченія изъ какого-нибудь *греческаго* (курс автора) источника, а представляютъ собой именно самостоятельный трудъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ надобности; для такого предположенія нѣтъ никакихъ фактическихъ или документальныхъ данныхъ (Обозрѣніе источниковъ начальной исторіи египетскаго монашества, Сергіевъ посадъ, 1907 г., стр. 34)“. Что въ основѣ Паралипоменовъ не лежитъ *греческій* источникъ, это несомнѣнно просто потому, что такого источника не дано, но что Парал. представляютъ собой не самостоятельный трудъ, а извлеченіе изъ какого-то другого произведенія, содержащаго въ себѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о Пахоміи и Феодорѣ, чѣмъ первоначальная греческая жизнь, изданная Болландистами,—это ясно для всякаго, читавшаго ихъ, уже изъ одной отрывочности и дополнительнаго характера ихъ содержанія. Поэтому Грюцматхеръ и Ладезъ вполне примыкаютъ къ сужденію Амелино Уже Болландисты, впервые опубликовавшіе Паралипом. отмѣтили любопытную надпись, прочитанную ими на использованномъ ими кодексѣ Амвросіанской бібліотеки, гдѣ источникъ ихъ указанъ въ нѣкоемъ *Asceticon: vita ex asceticis de ejusdem capita XIV* (*acta sancti cit ed. p. 333*). Исторія Пахоміевскаго монастыря, называемаго по гре-

Первое впечатлѣніе, какое вызвали новые источники у читателя, говорило за ихъ первоначальность и непосредственность. Переходя отъ греческаго автора съ его картавымъ языкомъ, съ наивными богословскими разсужденіями и поверхностными назиданіями, разсыпанными кстати и не кстати, читатель какъ бы изъ затхлой и покрытой плѣсенью комнаты, выходитъ въ открытое поле на чистый воздухъ, знакомится съ пропитанными жизненностью и полнотою чувства разсказами, видитъ дѣйствующихъ лицъ, слышитъ слова ихъ и рѣчи и переживаетъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ минуты подъема и паденія, счастья и несчастья. Открытіе французскаго ученаго прежде всего привѣтствовано было нашей церковно-исторической наукой, въ статьяхъ проф. А. П. Лебедева и главные результаты Амелино, за немногими исключеніями, приняты и подтверждены новыми данными ¹⁾. На Западѣ Грюцмахеръ первый обратилъ вниманіе на новый матеріаль, подвергъ его новому критическому обсужденію и, внося существенныя поправки въ выводы Амелино касательно арабскаго перевода, въ особой монографіи, не потерявшей научной цѣнности и доселѣ, воспользовался ими для описанія жизни Пахомія, Θεодора и основаннаго ими киновитства, выдвинувъ на видъ совершенно новыя, незамѣченныя прежними изслѣдователями характерныя черты его ²⁾. Появившійся, затѣмъ, русскій трудъ о Пахоміи архимандрита Палладія ³⁾, отличаясь вообще хорошимъ изученіемъ источниковъ, подробностью и картинностью изложенія, въ критической точкѣ зрѣнія отступаетъ назадъ въ сравненіи съ Грюцмахеромъ ⁴⁾, помощью котораго онъ, однако, поль-

чески „Asceticon“, и издана теперь въ сирскомъ переводѣ вмѣстѣ съ Паралип Bedjan'омъ въ acta martyr., t V.

¹⁾ А. П. Лебедевъ Коптскіе и арабскіе источники по исторіи древней, преимущественно Египетской церкви (1892, Январь, стр. 223—258) *Его же*. Новые и старые источники по исторіи первоначальнаго монашества (тамже, Апрель, стр. 147—181).

²⁾ Grutzmacher. Pachomius und des älteste Klosterleben Ein Beitrag zur Mönchsgeschichte Freiburg und Leipzig. 1896

³⁾ Съ Пахомій Великій и первое иноческое общежитіе. По новооткрытымъ коптскимъ документамъ. Очеркъ изъ исторіи пастырства въ монастыряхъ. Казань 1899.

⁴⁾ Впрочемъ, эта точка зрѣнія и не входила за ближайшую задачу его, какъ уже показываетъ подзаглавіе его книги

зовался въ своемъ изслѣдованіи.. Всѣ означенныя сейчасъ статьи и изслѣдованія основаны на полномъ довѣрїи къ коптскимъ источникамъ и признаніи первоначальности ихъ.

Первое сомнѣніе въ оригинальности открытыхъ Амелино документахъ о коптскомъ монашествѣ высказалъ Ладэзъ ¹⁾ и обосновалъ его на научныхъ данныхъ. Выводы Амелино онъ подвергъ уничтожающей критикѣ, и ему впервые удалось утвердить зависимость арабскаго житія, считаемаго Амелино наиболѣе цѣннымъ источникомъ для возстановленія личности Пахомія и основаннаго имъ общежитія, отъ позднѣйшихъ греческихъ сказаній, на что указывалъ уже Грюцмахеръ,—тезисъ ставшей общепризнаннымъ во всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованіяхъ, хотя и требующій ограниченія ²⁾. Самосвидѣтельство греческаго источника ³⁾ такъ рѣшительно отвергнутого Амелино лежитъ въ основѣ его взгляда на происхождение и взаимоотношеніе житій Пахомія. По сужденію Ладэза первая біографія Пахомія написана на греческомъ языкѣ; это *vita*, изданная Болландистами; подъ вліяніемъ (*s'inspirant*) этой жизни монахи обитателей Пахомія, пользуясь устной традиціей своихъ монастырей, редактировали на основаніи греческой свою евскую рецензію, свободнымъ изложеніемъ которой и явился мемфисскій переводъ. Оцѣнивая съ этой точки зрѣнія научное значеніе источниковъ, онъ, конечно, отдаетъ полное предпочтеніе греческой редакціи, какъ наиболѣе достовѣрному документу, но не отрицаетъ совсѣмъ научныхъ достоинствъ и за евскимъ текстомъ житія Пахомія, какъ сохранившимъ слѣды древней традиціи;

1) Ladeuze, Étude sur le cénobitisme pachomienne pendant le IVe siècle et la première moitié du Ve. Luvain-Paris, 1894.

2) Ограниченіе это состоитъ въ томъ, что зависимость арабской редакціи отъ греческихъ рецензій, наблюдаемая лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ его, не лишаетъ эту редакцію всякой научной цѣнности. Напротивъ, она сообщаетъ много новыхъ данныхъ сравнительно съ греческими и мемфисской редакціей касательно личности Пахомія и Феодора, ихъ взаимныхъ отношеній и рядъ весьма характерныхъ разсказовъ изъ внутренней жизни киновитства, не вызывающихъ никакого подозрѣнія въ тенденціозности. Въ этихъ своихъ отличіяхъ отъ мемфисскаго перевода, оно, согласно мнѣнію Амелино, можетъ быть признано болѣе полнымъ воспроизведеніемъ первоначальной евской записи братьевъ, служившихъ Феодору.

3) Оно будетъ приведено и разобрано ниже.

въ самомъ меньшемъ случаѣ это житіе является нагляднымъ памятникомъ идей, господствовавшихъ среди пахоміевскихъ монаховъ нѣсколько спустя послѣ смерти ихъ учителя ¹⁾.— Впечатлѣніе, произведенное работой Ладэза на послѣдующихъ изслѣдователей этого вопроса, Шивица ²⁾ и И. Троицкаго было таково, что оба они въ общемъ примкнули къ главнѣйшимъ ея результатамъ. Принявъ всѣ выводы Ладэза безъ всякой критики, Шивица на основаніи ихъ составилъ довольно подробный очеркъ жизни Пахомія и Θεодора и далъ характеристику основаннаго ими общежитія ³⁾. И. Троицкіи въ своемъ основательномъ изслѣдованіи подвергъ весь вопросъ новому обсужденію и, опираясь на самостоятельное изученіе всѣхъ дошедшихъ до нашего времени греческихъ, латинскихъ, коптскимъ и арабской рецензій житія Пахомія и Θεодора, по пути отрицанія всякаго научнаго значенія за новооткрытыми Амелино документами, пошелъ еще дальше Ладэза. Правда, и онъ оставляетъ за коптскими источниками нѣкоторую долю научной цѣнности, ⁴⁾ но какъ миниатюрна эта доля, видно изъ слѣдующаго завершительнаго его сужденія.—„Счастливо киновитство, что произошло именно такъ, что въ силу чисто только случайнаго обстоятельства исторія виновника рожденія киновитства, его колыбели съ первыхъ шаговъ занесены въ лѣтописи исторіи не трудами какого нибудь коптскаго монаха, а явились подъ перомъ греческаго повѣствователя. Въ первомъ случаѣ мы имѣли бы только странную смѣсь историческихъ фактовъ съ вымыслами фантазіи, гдѣ было бы трудно разобраться, провести граничную черту между истиной и ложью, вообще произвести сравнительную оцѣнку и испытаніе различныхъ повѣствованій. Но осуществился второй случай, и мы имѣемъ теперь истинную исторію“ ⁵⁾.

Но дѣйствительно-ли этотъ отрицательный выводъ въ отношеніи коптскимъ источниковъ долженъ быть признанъ окончательно установленнымъ и не нуждающимся ни въ какомъ дальнѣйшемъ подтвержденіи? Правда-ли, что будущіи

¹⁾ Ladense, cit. op. p. 103

²⁾ Schiwietz Das morgenlandische Monchtum 1 Band, Mainz 1904.

³⁾ Schiwietz, *ibid.*, s. 160—224.

⁴⁾ Обзорѣніе. , стр. 157

⁵⁾ Обзорѣніе источниковъ, стр. 158—159

историкъ Пахомія и основаннаго имъ киновитства можетъ вполне спокойно отложить коптскіе документы въ сторону и удовольствоваться однимъ греческимъ произведеніемъ неизвѣстнаго автора? Какъ ни крѣпка стѣна аргументовъ, приведенныхъ въ настоящее время въ защиту оригинальности греческаго житія, все-же при ближайшемъ разсмотрѣніи въ ней можно замѣтить не мало бреши, которыя въ концѣ концовъ приводятъ къ крушенію всей стѣны...

Главнымъ основаніемъ, на которое опираются защитники первоначальности греческаго житія, являются нѣсколько строчекъ его, заключающихъ въ себѣ самосвидѣтельство его автора: „если кто-нибудь спроситъ: почему тѣ (старцы, рассказывавшіе автору о разныхъ событіяхъ изъ жизни Пахомія) сами не записали жизни его (*τόν βίον αὐτοῦ*), говоримъ: мы не слышали (*οὐκ ἤκούσαμεν*), чтобы они часто говорили объ этомъ, хотя были такъ же разсудительны, какъ и отецъ ихъ, а можетъ быть для этого не настало еще удобнаго времени. Когда же мы увидѣли, что это необходимо для того, чтобы не забыть намъ все слышанное о совершенномъ инокѣ отцѣ нашемъ, послѣ всѣхъ святыхъ, написали немного изъ многаго (*ὀλίγα ἐκ πολλῶν*)“¹⁾. Безъ сомнѣнія, эти слова ясно говорятъ о томъ, что авторъ греческаго житія усваиваетъ именно себѣ начальное сказаніе о житіи Пахомія и Теодора. Но оцѣниваемое съ научной точки зрѣнія, это самосвидѣтельство еще не заключаетъ въ себѣ никакого обязательнаго авторитета. Древняя христіанская литература (и еще ранѣе классическая) доставляетъ намъ цѣлую массу апокрифическихъ и ложно-надписанныхъ сочиненій, авторы которыхъ выдаютъ себя свидѣтелями никогда не бывшихъ событій, ставятъ себя въ кругъ историческихъ отношеній, случившихся ранѣе или позже ихъ дѣйствительной жизни и все-таки говорятъ съ ампломбомъ непосредственныхъ очевидцевъ. Ничто не ручается за то, что и здѣсь, въ самопризнаніи автора греческаго житія, мы встрѣчаемся съ подлогомъ: его самосвидѣтельство должно подтвердиться другими, независимыми отъ него объективными данными, и только тогда оно получить надлежащій научный вѣсъ. Такихъ данныхъ пока не представлено, и, если, какъ мы сейчасъ увидимъ.

¹⁾ Vita Pachomii et Theodori, ed. Bolland. § 62

они дѣйствительно существуютъ, то они направляются прямо противъ заявленія греческаго автора. Но если мы на время и признаемъ правильность свидѣтельства его, то и тогда изъ собственныхъ его замѣтокъ увидимъ, что его трудъ не былъ первымъ произведеніемъ, посвященнымъ описанію дѣятельности Пахомія и основаннаго имъ общежитія. Уже до того момента, когда греческій авторъ принялся за составленіе біографіи Пахомія и Θεодора, существовала обширная коптская литература о Пахоміи, и онъ самъ ссылается на нее. „А такъ какъ,—пишетъ онъ,—авва Пахомій часто толковалъ своимъ ученикамъ Слово Божіе, то нѣкоторые (*τινες*) изъ его слушателей, по великой любви къ нему, записали многое (*πολλά*) изъ толкованій его на писаніе, а равно и видѣнія его и откровенія (*ὀρασίαν*), какихъ удостоилъ его Господь“ ¹⁾. *Πολλά* толкованій, видѣній и откровеній—это что-нибудь да значить. Тотъ же авторъ далѣе сообщаетъ, что „самъ отецъ (Пахомій) еще при жизни своимъ собственнымъ приказаніемъ распорядился записать не только домостроительство, касавшееся киновіи, но и многія письма (*πολλάς ἐπιστολάς*) къ отцамъ монастырей, и въ томъ числѣ известное мистическое письмо, въ которомъ всѣ подвижники раздѣлялись по греческому алфавиту“ ²⁾. „Книга экономовъ (*τὸ βιβλίον τῶν οἰχοδόμων*)“, содержащая въ себѣ точныя правила и предписанія, какими они должны руководствоваться при управленіи монастырями ³⁾ и также и „книга поваровъ“ ⁴⁾ уже существовали на лицо. Итакъ, мы имѣемъ предъ собою довольно обширную коптскую литературу, появившуюся на свѣтъ раньше греческаго житія, и, собственно говоря, заключающую въ себѣ всѣ данныя для характеристики Пахомія, какъ религіознаго дѣятеля (толкованія на св. Писаніе, видѣнія и откровенія, письма) и какъ организатора новой формы подвижничества (домостроительство касательно киновіи, книга или регламентъ экономовъ и поварская книга). Въ какое же отношеніе авторъ греческой жизни ставитъ себя къ этимъ ранѣе появившимся на свѣтъ коптскимъ источникамъ? Онъ ясно выдаетъ себя

1) Vita Pach. et. Theod., ed Boll. § 63

2) Vita Pach. et Theod., ed Bll § 63

3) Ibid. § 32

4) A. d. M. G. XVII, p. 368.

за компилятора. Онъ не беретъ на себя обязанности разсказать все, что онъ прочиталъ въ этихъ источникахъ, и слышалъ изъ разсказовъ старцевъ ¹⁾, но только немного изъ многого (*ὀλίγα ἐκ πολλῶν*), не все, но только отчасти (*ὄχι τὸ πλεῖστον, ἀλλ' ἀπὸ μέρους*) ²⁾, да и то, что онъ передаетъ на основаніи своего собственнаго источника (разсказы старцевъ), въ общемъ ничѣмъ не отличается отъ того, что мы читаемъ въ коптскихъ документахъ, за исключеніемъ лишь той тенденціозной окраски, какую онъ придаетъ своему произведенію.

Совершенно самостоятельное, проникнутою жизненностью и непосредственностью впечатлѣнія, описаніе происхожденія первоначальной жизни Пахомія мы получаемъ изъ коптскихъ источниковъ. Теодоръ заболѣлъ и слегъ; въ эти минуты тѣлесныхъ страданій,—быть можетъ въ предчувствіи близкой кончины, его сознанію ясно представились всѣ неурюстройства и недостатки, рѣзко обозначившіеся въ киновитскихъ обителяхъ послѣ смерти ихъ основателя. Правила Пахомія уже не приносили пользы: монашество ожесточилось въ своемъ пренебреженіи и нерадѣніи къ нимъ и большая часть ихъ охладѣла въ томъ рвеніи, съ какимъ она ранѣе исполняла заслуги своего учителя. Ужасъ объялъ его сердце, и вотъ, чтобы положить конецъ наставшимъ безпорядкамъ, онъ рѣшилъ въ присутствіи всѣхъ братьевъ, разсказать имъ всю жизнь Пахомія, напомуувъ имъ о всѣхъ подвигахъ и всѣхъ страданіяхъ, какія онъ понесъ за нихъ, о правилахъ и наставленіяхъ его, и убѣдить ихъ написать жизнь Пахомія. Обстоятельства благопріятствовали этому намѣренію; игумены всѣхъ монастырей сошлись къ Теодору, какъ только услышали о болѣзни его, и въ то же время настала Пасха, когда по давно принятому обычаю вся братія монастырей собиралась въ Певу, мѣстѣ постоянного пребыванія Пахомія и затѣмъ Теодора, чтобы въ общемъ единодушіи отпраздновать этотъ великій день. Теодоръ какъ нельзя лучше воспользовался этимъ стеченіемъ всѣхъ братій, чтобы осуществить свое назрѣвшее намѣреніе. Въ вдохновенной рѣчи онъ сталъ излагать предъ братіями жизнь Пахомія отъ начала и до конца ея, картинно изображая всѣ подвиги его,

1) Vita Pach et Theod., ed. Bell, § 6. 36 56 62

2) Vita Pach et Theod., ed. Bell, § 63.

какіе онъ понесъ для нихъ съ перваго учрежденія киновитства, его искушенія отъ демоновъ, способы его привлекать къ себѣ души, довѣренныя ему Спасителемъ, видѣнія и откровенія, какихъ онъ удостоенъ былъ отъ Бога,—словомъ все, что онъ слышалъ и видѣлъ, какъ ближайшій и довѣренный ученикъ Пахомія. Закончивъ рѣчь восхваленіями Пахомія, поддержанными хоромъ всѣхъ присутствующихъ, Теодоръ сталъ убѣждать своихъ слушателей въ необходимости и справедливости письменнаго изложить всѣ земныя подвиги Пахомія. Но на пути къ этой цѣли стояло необыкновенное благочестіе коптовъ ¹⁾: нѣкоторые изъ нихъ (иуа еп рагмі vous) думали, что написать земную жизнь человѣка, хотя бы и угоднаго Богу, значить прославить плоть и возложить надежду на человѣка, а не на Бога. Великая цѣль, какой хотѣлъ достигнуть Теодоръ, должна быть осуществлена по единодушному согласію,—и вотъ въ энергичной рѣчи и рядомъ библейскихъ примѣровъ и толкованій различныхъ мѣстъ св. Писанія онъ раскрылъ несостоятельность этого недоумѣнія, доказавъ, что описывать житіе угодника не значитъ восхвалять плоть, взятую въ отдѣльности, но Духа Божія, обитающаго въ тѣлахъ праведныхъ, которыя чрезъ это становятся храмами Божиими. Сомнѣнія и этихъ „нѣкоторыхъ“ были преодолены. Тогда братья, которыя служили ему (Теодору) переводчиками для того, чтобы переводить его слова для иностранцевъ-грековъ, часто слушали рассказы Теодора о дѣятельности Пахомія, то сложили ихъ въ сердца свои и записали все слышанное у Теодора о Пахоміи. Теодоръ съ радостнымъ вздохомъ привѣтствовалъ это самое желательное для него событіе и обращаясь къ братьямъ, сказалъ: „запомните хорошо слова, какія я сказалъ, потому что скоро придетъ время, когда уже не будетъ никого, кто могъ бы это сдѣлать для васъ“ ²⁾.

Кто были эти „братья-переводчики“, составившіе, по словамъ коптскаго источника, первое житіе Пахомія и притомъ подъ руководствомъ самого Теодора?—вотъ вопросъ, отъ ко-

¹⁾ А не боязнь литературнаго труда, навязываемая нѣкоторыми изслѣдователями коптамъ. Мы видѣли, что у коптовъ до появленія греческой жизни или вообще записанной жизни Пахомія уже существовала довольно обширная литература о немъ.

²⁾ A. d. M. G., XVII, pp 247—259.

того зависитъ правильность пониманія и всего изложеннаго сейчасъ свидѣтельства. Амелино и всѣ его послѣдователи, конечно, ни мало не сомнѣвались въ томъ, что братья-переводчики, послужившіе Теодору въ исполненіи его завѣтной мечты, были копты и, слѣдовательно, первое житіе Пахомія появилось на свѣтъ на евско-богейрическомъ языкѣ, на которомъ говорили Пахомій, Теодоръ и всѣ туземные обитатели киновій. Ладзъ первый попытался дать перетолкованіе этому свидѣтельству и доказать, что здѣсь разумѣются *греки*—переводчики, жившіе въ домѣ Теодора александрійскаго, и, такимъ образомъ, заставить самые коптскіе источники свидѣтельствовать въ пользу оригинальности житія. Его воображенію представляется такая ситуація: послѣ своей блестящей рѣчи на Пасхѣ Теодоръ еще много разъ возвращался къ своему предложенію написать жизнь Пахомія, но все было напрасно. Значительно позднѣе, переводчики, повторяя его слова, рѣшились исполнить то, что давно рекомендовалъ имъ Теодоръ. По единогласному свидѣтельству арабской ¹⁾, мемфисской и греческой ²⁾ редакцій, эту роль переводчиковъ при Пахоміи, Орсисіи и Теодорѣ игралъ Теодоръ александрійскій, управлявшій домомъ, который насѣляли пришельцы изъ Ракоти (Александріи). Здѣсь, между этими греками, и нужно искать переводчиковъ, составившихъ первую жизнь Пахомія. Какъ люди образованные, они скоро усвоили мѣстный языкъ и оказались по своимъ умственнымъ способностямъ вполне пригодными для того литературнаго дѣла, которое и предлежитъ намъ въ греческомъ житіи, изданномъ Болландистами ³⁾. Приблизительно также рассуждаетъ и И. Троицкій: „коптскіе монахи,—пишетъ онъ,—держались другихъ, совершенно не похожихъ на наши, возрѣвній на жизнеописанія святыхъ; они видѣли въ этомъ прославленіи святыхъ преступленіе противъ вѣры въ Бога, именно упованіе на человѣка и плоть, прославленіе плоти. Теодоръ заранѣе и хорошо зналъ объ этихъ взглядахъ своихъ подчиненныхъ. Несомнѣнно (?) уже много разъ ему приходилось полемизировать противъ такихъ странныхъ убѣж-

¹⁾ A. d. M. G., XVII, 473—477.

²⁾ Vita Pachom. et Theo., ed. Boll § 63.

³⁾ Lutzenze, Étude., pp. 36—37.

деній, и быть можетъ, сколько разъ онъ рассказывалъ *монахамъ* жизнь Пахомія, столько же разъ высказывалъ и свое завѣтное желаніе имѣть писанную жизнь Пахомія, и столько же разъ встрѣчалъ упорное сопротивленіе со стороны державшихся противоположныхъ взглядовъ монаховъ, которыхъ онъ никакъ не могъ разубѣдить въ этихъ взглядахъ. Изъ коптскихъ источниковъ мы совершенно не видимъ, чтобы Феодору удалось добиться своего. Мы видимъ, что и послѣ послѣдняго, такъ сказать, генеральнаго сраженія дѣло осталось въ томъ же положеніи. Феодоръ, какъ передаютъ коптскіе источники распустилъ монаховъ, и только. Можно обратить вниманіе на то, что Феодоръ, заканчивая рѣчь, уже не говоритъ о томъ, чтобы кто-нибудь записалъ жизнь Пахомія, а говоритъ только: „запомните слова мои ¹⁾“, и говоритъ это со вздохомъ. Это выраженіе и этотъ вздохъ, намъ кажется, лучше всего характеризуютъ истинное положеніе т. е. безнадѣжность всѣхъ попытокъ Феодора, разбившихся объ упорство монаховъ. Вздохъ этотъ могъ быть *только* вздохомъ, если ужъ не отчаянія, то *несомнѣнно* сожалѣнія и печали по поводу проиграннаго безусловно хорошаго дѣла и *ни въ какомъ случаѣ* не вздохомъ радости и облегченія ²⁾“. Согласно съ Ладѣзомъ Троицкій понимаетъ рѣчь Феодора и написаніе жизни Пахомія, какъ два факта, хронологически раздѣльные, и автора греческаго житія указываетъ въ греческомъ монахѣ, жившемъ въ домѣ александрійца Феодора ³⁾.

Читателю и безъ дальнѣйшихъ объясненій видно, что въ данномъ случаѣ, въ предположеніи Ладѣза и г. Троицкаго, мы имѣемъ предъ собой особый родъ историческаго психологизированія, часто встрѣчающагося въ историческихъ изслѣдованіяхъ, но рѣдко находящаго для себя опору въ источ-

¹⁾ Читателю, незнакому съ приемами историческихъ комбинаній, можетъ показаться дѣйствительно страннымъ то обстоятельство, почему Феодоръ, когда житіе Пахомія было уже написано, обращается къ братьямъ съ такою рѣчью: „запомните мои *слова* (а не приготовленное житіе)“. Но во первыхъ, среди коптовъ была масса безграмотныхъ людей, для которыхъ имѣли значеніе только слова Пахомія, а не написанное житіе, а во вторыхъ, Феодоръ, конечно, желалъ, чтобы память о Пахоміи и его наставленіяхъ сохранилась не въ письменн только, но и въ сердцахъ его учениковъ

²⁾ Какъ осмѣливаются думать Авелино и авторъ этой статьи.

³⁾ И. Троицкій. Обзоръ источниковъ, стр. 90 слл.

никахъ. Мемфисскій переводъ, на стр. 258—259, гдѣ содержится рассказъ о заключительныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ собой рѣчь Феодора, безъ сомнѣнія, не точенъ, не имѣетъ ни хронологической, ни логической послѣдовательности и видимо перепутываетъ факты. Однако и при этихъ недостаткахъ коптскаго извѣстія, все-же видно, что онъ не полагаетъ ни малѣйшаго хронологическаго промежутка между произнесеніемъ торжественной рѣчи и фактомъ написанія ея. „Они (братья) написали ее,—точно выражается коптскій авторъ,—послѣ того, какъ (Феодоръ) окончилъ говорить имъ и прославлять всѣ подвиги Пахомія 1).“ Еще менѣе, вслѣдъ за Ладэзомъ и Троицкимъ, можно утверждать, что Феодоръ нѣсколько разъ рассказывалъ всѣмъ монахамъ своихъ обителей жизнь Пахомія, предлагалъ записать ее и каждый разъ получалъ отказъ. Коптскій источникъ 2) говоритъ только о братьяхъ переводчикахъ; естественно, что долгое время служба Феодору посредниками въ бесѣдахъ съ приходящими къ нему иностранцами, они много разъ имѣли случай слушать его рассказы о жизни Пахомія, такъ что сложили ихъ въ своемъ сердцѣ, и упоминая объ этомъ, коптскій авторъ хочетъ только объяснить, почему именно эти братья-переводчики, а не другіе копты взялись за написаніе житія, и доказать, что составленное или житіе имѣетъ полную достовѣрность (*avec certitude*). Точно также и главный выводъ, что первыми авторами житія Пахомія были греки переводчики, жившіе въ домѣ Феодора—александрійца, не имѣетъ для себя основанийъ въ источникахъ. Только позднѣйшій арабскій переводъ біографіи Пахомія сообщаетъ, что Феодоръ—александріецъ, служилъ переводчикомъ для Пахомія, Орсисія и Феодора 3), ни греческая, ни мемфисская редакціи не знаютъ объ этомъ. Греческій авторъ просто упоминаетъ, что Пахомій поставилъ Феодора александрійскаго управляющимъ того дома, гдѣ селились приходящіе греки 4), а мемфисское жи-

1) A. d. M. G. XVII ils l' ecrivirent. parce qu' apres avoir fini de leur parler et de glorifier en tout s ses suffrances, p. 259.

2) A. d. M. G. XVII: les freres, qui lui servaient d' interpretes, l' eurent entendu une foule de fois des pratique de notre pere Pakhame, ils s'adonnerent au tout leur coeur à ce qu'il avait dit à son sujet avec certitude,—p. 258.

3) A. d. M. G., XVII p. 473—475.

4) Vita Pachom et Theodor, ed. Bollad § 60

тіе указываетъ и цѣль этого учрежденія; „когда отецъ нашъ Пахомій увидѣлъ, что Θεодоръ (алекс.) успѣваетъ въ познаніи Бога, онъ поставилъ его начальникомъ надъ иностранцами (греками), приходившими для того, чтобы сдѣлаться монахами ¹⁾“. Такимъ образомъ, Θεодоръ и греки, жившіе съ нимъ въ одномъ домѣ и подъ его начальствомъ, служили переводчиками лишь для тѣхъ пришельцевъ изъ Ракоти, которые являлись сюда съ цѣлю приготовиться посредствомъ изученія мѣстнаго языка къ поступленію въ разрядъ монаховъ. Ничто не говоритъ за то, чтобы именно эти греки, жившіе подъ управленіемъ Θεодора, служили переводчиками для Пахомія и лицъ, наслѣдовавшихъ послѣ него управленіе монастырями, для сношенія съ иностранцами: напротивъ многое свидѣтельствуетъ противъ такого предположенія. Послѣ прихода Θεодора алекс. въ тавеннисійскія обители для Пахомія излишни стали, какіе бы то ни было, переводчики, потому что, по единогласному свидѣтельству греческой ²⁾ и мемфисской редакцій, ³⁾ Пахомій самъ научился говорить по гречески. Но самыя лучшіе свѣдѣнія о положеніи этихъ греческихъ пришельцевъ въ пахоміевскія обители даетъ письмо Аммона, впоследствии епископа антинойскаго. 17-ти-лѣтнимъ юношей онъ пришелъ въ обитель тавенниситовъ и здѣсь провелъ три года, занимаясь изученіемъ Св. Писанія. Онъ помѣщенъ былъ въ домѣ Θεодора Александрійскаго, гдѣ обитали греческіе монахи, числомъ 20. Самъ начальникъ дома и ближайшій помощникъ, нѣкто Авзоній, вели съ нимъ дѣло истолкованія св. Писанія, и лишь изрѣдка Θεодоръ, ученикъ Пахомія, являлся къ нимъ и отвѣчалъ на разные недоумѣнія и вопросы обучавшихся, при чемъ Θεодоръ алекс. переводилъ его отвѣты Аммону ⁴⁾ Отсюда слѣдуетъ, что 1) всѣ греческіе монахи, находившіеся въ пахоміевскихъ обителяхъ, жили только въ одномъ домѣ, стоявшемъ подъ главенствомъ Θεодора александрійскаго; 2) что Θεодоръ и его помощникъ Авзоній вовсе не были постоянными переводчиками для начальствующихъ надъ

¹⁾ A. d. M. G. XVII, t 140

²⁾ Vita Pach. et Theod. ed. Boll. § 60

³⁾ A. d. M. G. XVII, 476.

⁴⁾ Epistola Ammonis ad Theophilum. Acta sanctorum. Maji, t III, cit. ed., p 55.

киновитскими монахами и въ 3) что они сами обучали пришедшихъ къ нимъ грековъ и только по временамъ и по требованію обстоятельствъ ¹⁾ служили истолкователями ихъ словъ и разъясненій для лицъ, не знавшихъ коптскаго языка ²⁾.

Данныя, заключающіяся въ извѣстіяхъ коптскаго житія о происхожденіи первой біографіи Пахомія, приводятъ насъ къ совершенно другимъ заключеніямъ. Уже самое названіе „братья“ въ устахъ коптовъ, всегда презрительно и недоброжелательно относившихся къ иностранцамъ ³⁾, должно указывать на авторство коптовъ. Далѣе, Теодоръ свою рѣчь о необходимости почитать память Пахомія держалъ въ Певоу и здѣсь же, а не въ домѣ иностранцевъ, находившемся въ Тавенниси, появилось первое житіе Пахомія, какъ показываютъ слова его къ братьямъ, сказанные въ томъ же Певоу: „запомните и пр.“ И, наконецъ,—самое важное,—авторы перваго житія были постоянными переводчиками, прислуживавшіе Теодору въ его непрерывныхъ сношеніяхъ съ приходящими изъ чужихъ странъ людьми. Разговоры Теодора съ

¹⁾ Аммонъ явился въ Пахоміевскія обители съ особой пѣлюю; вручая его попеченію Теодору александрійскому, Теодоръ сказалъ: „постарайся, чтобы онъ прекрасно былъ наставленъ въ свящ. писаніяхъ: онъ не останется навсегда въ монастырѣ, но будетъ служителемъ церкви Божіей (cit. loc)“. Эта особая пѣль прибытія Аммона въ Тавенниси и его будущее предназначеніе и объясняетъ намъ, почему Теодоръ самъ иногда приходилъ въ домъ грековъ и давалъ свои объясненія для обычной же пѣли. Для какой существовалъ этотъ домъ, т. е., для приготовленія приходящихъ грековъ къ принятію монашества посредствомъ изученія коптскаго языка особая посѣщенія Теодоромъ этого дома были излишни.

²⁾ Что же касается до новаго доказательства, приведеннаго Троицкимъ на 92 стр своего изслѣдованія въ пользу оригинальности греческаго житія (о 3-мъ лицѣ), то оно основывается на какомъ то непонятномъ недоразумѣніи. Насколько греческій авторъ стремится выставить свое „мы“, настолько это „мы“ исчезаетъ въ коптскомъ документѣ. Об авторѣ его нельзя сказать даже того, что онъ выражается о себѣ въ 3-мъ лицѣ. Онъ пишетъ совершенно объективно, т. е. *безлично*, и его личность остается неизвѣстной на всемъ протяженіи его труда.

³⁾ Греческіе пришельцы, какъ мы видѣли изъ свідѣтельства Аммона всѣ помѣщались въ домъ Теодора александрійскаго. Для чужестранныхъ же монаховъ вообще еще Пахомій устроилъ особый домъ, находившійся вблизи монастырскихъ воротъ, въ которомъ они всегда и жили, принимая участіе лишь въ общихъ молитвословіяхъ (A. d. M G XVII, III)

пришельцами, конечно, но могли ограничиваться одной передачей событий изъ жизни Пахомія; они, безъ сомнѣнія, касались самыхъ интимныхъ сторонъ религіозной и нравственной жизни приходящихъ, затрагивали глубочайшіе тайники человѣческаго сердца, и сопровождались со стороны Θεодора соотвѣтствующими наставленіями, почерпнутыми изъ практики ежедневнаго обихода, обсужденіемъ ихъ мыслей и дѣлъ, какъ это было обычнымъ приемомъ у Пахомія¹⁾. Довѣрить эти интимныя бесѣды чужестранцу—переводчику ни Пахомій, ни Θεодоръ физически не могли и должны были пользоваться для этихъ специфически-монашескихъ цѣлей своими коптскими, *братьями-переводчиками*.

Никто не споритъ, что изучать греческій языкъ тавенисійскіе монахи не имѣли особыхъ побужденій, но нельзя же представлять себѣ коптовъ людьми не способными ни къ какому умственному развитію, — хотя бы въ той мѣрѣ, чтобы ознакомиться съ иностраннымъ языкомъ. И дѣйствительно мы видимъ, что еще до прихода Θεодора александрійскаго съ греческой братіей среди коптовъ находились люди, знавшіе греческій языкъ²⁾. Уже примѣръ самого основателя киновитства Пахомія, на старости лѣтъ изучившаго греческій языкъ, необходимо долженъ былъ вызвать подраженіе среди наиболѣе даровитыхъ коптовъ, особенно въ виду все увеличившагося наплыва иностранцевъ, вызывавшаго нужду въ переводчикахъ. Эта нужда нигдѣ такъ сильно не чувствовалась, какъ въ Певоу, мѣстѣ постояннаго жительства Θεодора,—въ цѣляхъ объясненія съ иностранцами,—и потому неудивительно, что копты, *братья-переводчики*, изучившіе греческій языкъ, постоянно жили здѣсь, въ Певоу, при Θεодорѣ, часто слушали рассказы его о Пахоміи и оказались способными написать такую жизнь его, которая заслужила одобреніе самого Θεодора. Такимъ образомъ, вся совокупность историческихъ обстоятельствъ свидѣтельствуемъ въ пользу коптскихъ данныхъ. Первое житіе Пахомія написано было коптами, *братьями-переводчиками*, помогавшими Θεодору въ его сношеніяхъ съ иностранцами, и подъ его непосредственнымъ руководствомъ, на томъ языкѣ, на какомъ говорилъ Θεодоръ и всѣ пахоміевскіе обитатели.

¹⁾ A. d. M. G, XVII, p. 257.

²⁾ Vita Pach. et Theod., ed. Boll § 60: A. d. M. G. XVII, p. 144.

Гдѣ же нужно искать этой первоначальной, написанной подъ руководствомъ самого Θεодора: „Жизни Пахомія“? Сохранившіеся до нашего времени и изданные Амелино отрывки изъ еивскаго житія слишкомъ малочислены, бѣдны и неопредѣленны по содержанію, чтобы на основаніи анализа ихъ можно было прийти къ какому-нибудь опредѣленному заключенію о характерѣ и содержаніи первоначальной жизни Пахомія. Что же касается до мемфисскаго перевода, то уже Амелино и Грюцмахеръ ¹⁾ достаточно показали, что и она не является точнымъ воспроизведеніемъ первой біографіи Пахомія, въ ней уже наблюдаются позднѣйшія наслоенія къ области рассказовъ о чудесахъ и пророчествахъ Пахомія. Мы увидимъ сейчасъ, что и греческая Vita, изданная Болландистами не можетъ считаться первоначальнымъ источникомъ, исчерпывающимъ всѣ доступныя намъ въ настоящее время свѣдѣнія о личности Пахомія и его дѣятельности. Положеніе изслѣдователя о киновитскомъ монашествѣ при такихъ условіяхъ на первый взглядъ можетъ показаться совсемъ безнадежнымъ; на самомъ же дѣлѣ оно не совсемъ беспомощно. Важно уже одно то, что наука здѣсь, въ отношеніи къ данному вопросу, располагаетъ двумя пространными изложеніями жизни Пахомія, мемфисскимъ и греческимъ, которыя, при всѣхъ ихъ недостаткахъ и обоюдной тенденціозности, все-таки обладаютъ большой научной цѣнностью.

Ладезъ и за нимъ И. Троицкій формулируютъ взаимное отношеніе отмѣченныхъ сейчасъ документовъ такимъ образомъ: „взаимное отношеніе ихъ не можетъ быть характеризовано иначе, какъ только зависимостью одной отъ другой; на это указываетъ не только близость, но и зависимость ихъ по содержанію и формѣ, а потому и вопросъ можно ставить только такимъ образомъ: гдѣ въ этихъ источникахъ нужно видѣть родителей и дѣтей, оригиналъ и подлинникъ, копию и передѣлку“ ²⁾. Но такая дилемма не оправдывается ни логически, ни исторически. Съ логической точки зрѣнія здѣсь больше уместна трилемма, а не дилемма: изъ двухъ данныхъ однородныхъ документовъ каждый можетъ быть ори-

1) Grutzmacher, Pachomius, s. 54 tgg.

2) Троицкій Обзоръ источниковъ, стр. 86

гиналомъ или копіей, или оба вмѣстѣ зависятъ отъ одного третьяго источника. И исторія древней литературы знаетъ не мало случаевъ, когда двѣ (и больше) редакціи извѣстнаго сочиненія сводятся на одну первоначальную редакцію ¹⁾. Наши критическія наброски и имѣютъ свою цѣлю доказать, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ тоже соотношеніе дѣла. Сравненіе греческаго житія съ мемфисской редакціей его показываетъ, что авторы ихъ пользовались однимъ общимъ источникомъ, но каждый передавалъ содержаніе его по своему, сообразно съ принятымъ намѣреніемъ. Мы, однако, не задаемся цѣлю возстановить вполнѣ этотъ первоначальный источникъ, хотя указанный сейчасъ методъ, по нашему мнѣнію и даетъ въ себѣ полную возможность къ осуществленію такого предпріятія. Не говоря о многомъ другомъ, уже предѣлы журнальной статьи не позволяютъ войти въ такое сложное и подробное изслѣдованіе. Наше намѣреніе гораздо проще: оно ограничивается желаніемъ познакомить интересующую публику съ нѣкоторыми, сдѣланными по совершенно случайному поводу наблюденіями надъ взаимоотношеніемъ житій Пахомія, подтверждающими высказанный сейчасъ тезисъ.

I. Сравненіе греческой и мемфисской редакцій житія Пахомія приводитъ прежде всего къ тому заключенію, что авторъ мемфисскаго житія во многихъ случаяхъ обладалъ болѣе подробными и всесторонними свѣдѣніями о разныхъ событіяхъ изъ жизни Пахомія и Теодора, которыя греческій авторъ или обходитъ полнымъ молчаніемъ или передѣлываетъ по своему, искажая ихъ первоначальный смыслъ. Историки, изучавшіе біографіи Пахомія, уже давно и много разъ старались точно установить единственную хронологическую дату о началѣ его жизни, сохранившуюся до нашего времени, но до сихъ поръ не достигали полнаго успѣха. Главнымъ мѣстомъ, на которомъ основываются всѣ хронологическіе расчеты по этому вопросу, является слѣдующая цитата изъ греческаго житія: „послѣ преслѣдованія (на христіанъ) воцарился великій Константинъ, начало христіанскихъ римскихъ царей“; вступивъ въ войну противъ какого-то тирана, онъ приказалъ собрать многочисленныхъ рекрутовъ (*πρός*

¹⁾ Ближайшій примѣръ житіе Суріевское и Діонисія Малаго.

τίνα τύραννον πολεμῶν, ἐκέλευσεν λοιπὸν πολλοὺς τρώωνας συναλαξείν); среди этихъ рекрутовъ оказался и Пахомій, имѣвшій около 20 лѣтъ (*περὶ τὰ εἴκοσι ἔτη ὄν*). Здѣсь въ походѣ онъ ознакомился съ христіанствомъ, и, когда Константинъ побѣдилъ тирана, отрядъ, въ которомъ находился Пахомій былъ распущенъ, еще не вступая въ битву. Пахомій возвратился домой и предался подвижнической жизни ¹⁾. Какому году соотвѣтствуютъ всѣ эти событія? Болландисты въ свое время указывали на 296/1297 гг., когда Константинъ еще въ качествѣ подководца Діоклетіана усмирялъ военное возстаніе Ахилла въ Египтѣ, провозгласившаго себя императоромъ ²⁾, но получаемый на основаніи этого расчета годъ рожденія Пахомія (276) не согласуется съ другими данными его жизни и противорѣчить прямому указанію греческой редакціи, что война, къ участию въ которой призванъ былъ Пахомій, началась *μετὰ διωγμῶν*—послѣ преслѣдованія, подъ которымъ можно разумѣть только гоненіе Діоклетіана. Латинская редакція Діонисія Малаго вноситъ въ извѣстіе греческаго житія существенную поправку, утверждая, что война, разумѣемая здѣсь, была знаменитымъ походомъ Константина на Максенція, окончившимся взятіемъ Рима,—столицы имперіи,—и провозглашеніемъ равноправія христіанской религіи, и И. Троицкій беретъ это воззрѣніе подъ свою защиту ⁴⁾. Новѣйшія изслѣдованія по политической исторіи римской имперіи за время Константина Великаго показали полнѣйшую несостоятельность предположенія Діонисія Малаго. Къ 312-му году во главѣ имперіи стояли четыре Августа; на западѣ Константинъ, унаслѣдовавшій отъ своего отца Констанція Хлора управление Галліей, Британіей и Испаніей и Максенцій, узурпаторски захватившій себѣ Римъ и Испанію: на Востокъ—Лициній, обладавшій Иллиріей, и припонтійскими провинціями, и Максиминъ, правитель Малой Азіи и Египта.—Ближайшимъ поводомъ къ походу Константина на Римъ и явился планъ, задуманный Максенціемъ вмѣстѣ съ Максиминомъ,—планъ, безразсудство котораго равнялось только его смѣлости. Максиминъ долженъ былъ неожиданно

1) Vita Pach et Theod, ed. Boll. § 2—3

2) Acta sanctorum, Maji, t. III, cit. ed. p. 291,

3) Migne, lat. s., t. LXXXIII, c. 232.

4) Обзоръвнѣ источниковъ, стр. 22—23.

напасть на Лицинія и отвлечь войска его изъ Иллиріи; воспользовавшись уходомъ войскъ изъ Иллиріи, Максенціи неожиданно направляется съ своими войсками въ эту область. Сжатый съ обѣихъ сторонъ, съ востока и запада, Лициніи низлагается, а оба побѣдителя, соединившись вмѣстѣ низвергаютъ Константина ¹⁾. Набирать солдатъ при походѣ на Максенцію въ Египтъ, подчиненномъ враждебному къ нему Максиминоу, Константинъ не могъ, не говоря уже о томъ, что по достовѣрнымъ даннымъ въ походѣ на Максенцію Константинъ пользовался только своими галльскими войсками, и то не всеми ²⁾. Ладэзъ, вполне понимая историческую несообразность Діонисія Малаго, указываетъ другой моментъ въ жизни Константина, его первую борьбу съ Лициніемъ ³⁾. Максимиана Дайи тогда уже не было въ живыхъ и Египеть принадлежалъ Лицинію. Сознывая силу и храбрость своего противника, Лициній, инициаторъ войны, конечно долженъ былъ собрать наибольшія силы, а, потому, естественно, что и населеніе Египта было притянуто сюда. Начатая осенью 314 года война окончилась уже къ концу его полнымъ пораженіемъ Лицинія ⁴⁾. Весьма возможно, что вслѣдствіе скорого завершенія войны отрядъ, набранный въ Египтъ, не успѣлъ достигнуть поля сраженія, и Пахомій, когда Константинъ побѣдилъ тирана, возвратился домой. Тогда годомъ рожденія его будетъ 294 годъ, и виновникомъ призыва на войну не Константинъ, а Лициній. И вообще имя Константина по какой-то странной случайности попало въ греческій источникъ (и отчасти въ мемфисскій). Египеть подчинился власти Константина только по окончаніи его послѣдней борьбы съ Лициніемъ уже съ 323 года, когда вслѣдъ за гибелью послѣдняго тирана Константинъ сталъ обладателемъ всей римской имперіи и болѣе уже никакихъ войнъ не вель. Вѣроятнѣе думать, что первоначальный источникъ, лежавшій въ основѣ дошедшихъ до насъ житій, выражался на

¹⁾ См. лучшее изслѣдованіе по этому вопросу Seeck. *Geschichte der Untergang d. antiken Welt.* I 13. Berlin, 1897, ss. 114—155.

²⁾ См. наше „Обращеніе императора Константина въ христіанство“. Сергіевъ посалъ 1905 г стр 53.

³⁾ Ladeuze, *Étude sur cenobisme*, s. 337—338.

⁴⁾ Seeck. *Geschichte d. Untergang d. autek. Welt* s. 159 sqq

этотъ счетъ неточно, и что внесеніе имени Константина въ житіе Пахомія явилось слѣдствіемъ преднамѣренной тенденціи связать начало киновитства съ такимъ замѣчательнѣйшимъ событіемъ всеобщей исторіи, какъ обращеніе Константина въ христіанство. Вопросъ о войнѣ, въ какой участвовалъ Пахомій, можетъ быть рѣшенъ легко, если внимательно всмотрѣться въ неясное на первый взглядъ извѣстіе коптской редакціи: здѣсь противникомъ Константина, задумавшимъ похитить у него царство, представляется „un tyran de perses“—тиранъ персидскій¹⁾ Источники, относящіеся къ началу IV вѣка, позволяютъ разгадать это странное выраженіе мемфисскаго автора. Вѣроятно же всего, здѣсь разумѣется война съ Арменіей, предпринятая Максиминомъ Дайя весной 312 года и окончившихся необыкновенно быстро, благодаря мужеству и талантамъ его полководца Верина²⁾. Набирать рекрутовъ въ Египтѣ Максиминъ имѣлъ полное право, такъ какъ эти области тогда находились въ его подчиненіи, а быстрое окончаніе войны не дало египетскому отряду возможности добраться до сцены дѣйствія. Арменія же въ рассказахъ египетскихъ рекрутовъ, мало освѣдомленныхъ въ политическихъ дѣлахъ своего времени, легко могла превратиться въ Персію³⁾. Годъ рожденія Пахомія, такимъ образомъ, долженъ падать приблизительно на 292 г.

О событіяхъ, сопровождавшихъ начальную жизнь Пахомія послѣ ознакомленія его съ христіанствомъ мемфисскій редакторъ оказывается гораздо болѣе освѣдомленъ, чѣмъ греческое житіе, которое, прямо, по окончаніи войны заставляетъ Пахомія двинуться въ верхнюю Фиваиду и здѣсь, въ церкви, находящейся въ деревнѣ Хиновоскія получить оглашеніе и крещеніе⁴⁾. „Получивъ свободу (по окончаніи войны),—рассказываетъ авторъ мемфисскаго житія,—Пахомій отправился на югъ и, найдя пустынное мѣсто Шенезитъ, сгорѣвшее отъ нестерпимой жары и при томъ никѣмъ необи-

¹⁾ A. d. M. G. XVII, p. 5

²⁾ Sæck. Geschichte d. Untergang d. antiken Welt, s. 147.

³⁾ Тѣмъ болѣе, что почти вся половина 3-го вѣка занята была безпрерывными походами римскихъ императоровъ на Персію, въ которыхъ принимали участіе и войска египетскіе.

⁴⁾ Vita Pach. et Theod., § 2.

таемое, рѣшился поселиться здѣсь. На берегу рѣки онъ за-мѣтилъ храмъ, называемый древними храмомъ Сераписа и войдя въ него помолился. Духъ св. сказалъ ему: борись и оставайся здѣсь“. Пахомій пробылъ въ храмѣ три года ¹⁾. Опущенное грекомъ въ тенденціозныхъ цѣляхъ, чтобы не запятнать память Пахомія, это извѣстіе мемфисскаго житія, безъ сомнѣнія заимствованное изъ первоначальнаго источника, приводитъ къ чрезвычайно интереснымъ историческимъ сопоставленіямъ. Благодаря недавно найденной возможности читать греческіе папирусы, ведущіе свое происхожденіе главнымъ образомъ изъ мемфисскаго храмоваго округа и разсѣянные по важнѣйшимъ бібліотекамъ запада, за послѣднія десятилѣтія значительное число этихъ папирусовъ частью изслѣдовано по содержанію, частью издано. Тщательное изученіе этихъ папирусовъ съ очевидностью установило тотъ фактъ, что въ Египтѣ съ служеніемъ Серапису, сдѣлавшемуся здѣсь со времени Александра Македонскаго самымъ почитаемымъ богомъ, тѣсно связано было съ прочно выработанной формой подвижничества, близко напоминавшее собой позднѣйшее монашество и строи монастырскихъ обителей. Центромъ отшельничества во имя Сераписа (такъ назыв. *κατόχοι*) служилъ Мемфисъ со своимъ знаменитымъ и обширнымъ святилищемъ въ честь этого великаго бога Египта. Въ небольшихъ помѣщеніяхъ (келліяхъ), окружавшихъ храмъ сходились люди, искавшіе себѣ уединенія отъ міра и его тревоженій и ждавшіе спасенія или исцѣленія у Сераписа. Отдѣленные отъ всего міра, они вели жизнь въ полной замкнутости и общались иногда чрезъ окно. Отрекаясь при вступленіи въ число подвижниковъ Сераписа отъ имѣній и всякихъ прочихъ земныхъ благъ, они оставались нищими (*πτωχοί*) и получали содержаніе отъ посильныхъ приношеній со стороны своихъ родственниковъ, и то далеко не всегда, какъ показываютъ дошедшія до насъ письма ихъ, а иногда кой-что зарабатывали и своими трудами. Всѣ они стояли въ такомъ или иномъ отношеніи къ богослуженію Сераписа, являлись въ храмъ, получали откровенія и видѣнія, ждали отъ него помощи и покровительства въ нуждахъ. Внутри храмовыхъ (—монастырскихъ) стѣнъ имъ, при необходимыхъ

¹⁾ А. d. M. G XVII, p. 7—10.

случаяхъ позволялось общеніе, но за предѣлы стѣны они выходить не могли. Определеннаго срока для времени подвижничества, по видимому, не существовало. Онъ зависѣлъ отъ многихъ причинъ; отъ даннаго обѣщанія, отъ исполненія желанія, полученія исцѣленія или откровенія. Безъ сомнѣнія для этой прочно выработанной организаціи существовалъ особый регламентъ, но изъ него до нашего времени не дошло ничего, кромѣ того, что посвящавшіе себя Серапису получали постриженіе власовъ на головѣ. — Мемфисъ служилъ только центромъ подвижничества въ честь Сераписа: рядъ другихъ папирусовъ свидѣтельствуеетъ, что институтъ отшельничества существовалъ и при другихъ храмахъ Изиды и Сераписа, разсѣянныхъ по всему Египту. Тысячи паломниковъ ежегодно сходились къ святилищу Сераписа, приносили жертвы, ждали откровеній и исцѣленій и разносили славу объ отшельникахъ по всеѣмъ слоямъ египетскаго населенія. Мѣсто рожденія Антонія, перваго основателя отшельнической формы подвижничества, лежало близъ Гераклеополиса въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Мемфисомъ. Первая организація киновитскаго монашества возникла въ верхней Фивайдѣ, въ Тавенниси, вблизи котораго находился храмъ Изиды въ Филахъ, гдѣ торжественное богослуженіе Озирису и Серапису продолжалось до времени Юстиніана (VI в.) и пророки котораго въ надписяхъ на стѣнахъ храма прославлялись еще въ 5-мъ вѣкѣ¹⁾.—Было бы трудно доказать, чтобы Пахомій за тѣ три года, когда онъ обиталъ въ храмѣ Сераписа, былъ монахомъ во имя Сераписа, а не Христа²⁾. Уже одно извѣстіе мемфисскаго житія, что этотъ храмъ былъ пустъ, отвергаетъ такое предположеніе. Не возможно, и даже весьма вѣроятно, что когда Пахомій обдумывалъ свои планы о будущемъ строѣ подвижнической жизни, какой онъ намѣренъ былъ создать въ своихъ киновіяхъ, организація, осуществленная въ храмахъ Сераписа, невольно предносилось его сознанію и, быть можетъ, именно оттуда онъ заимствовалъ по крайней мѣрѣ два пункта: постриже-

1) См. Weingarten. Der Ursprung d. Monchtum. Grutmacher, Pachomius и указанную здѣсь научную литературу. Ср. Preuschen. Monchtum und Serapiskult Darmstadt. 1899 (важное для поправокъ нѣкоторыхъ неточностей, вкравшихся въ изслѣдованіе Вейнгартена).

2) Какъ думаетъ Grutmacher, Pachomius, s. 39 fgg.

нѣ власть предъ принятіемъ монашества и извѣстное мистическое раздѣленіе монаховъ на 24 класса по числу буквъ греческаго алфавита, при чемъ каждая буква характеризовала собой извѣстный классъ монаховъ со стороны направленія ихъ религіозной и нравственной жизни. Необразованному копту, какимъ былъ Пахомій, трудно приписать эти характеристики, хотя во многихъ случаяхъ искусственныя, но составленныя художественно и съ глубокимъ пониманіемъ дѣла. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что институтъ отшельниковъ, существовавшихъ при храмахъ Изиды и Сераписа, слава о которыхъ распространена была по всему Египту, подготовилъ тамъ почву для христіанскаго монашества, и этимъ нужно объяснять тотъ быстрый успѣхъ, какой наслѣдовало дѣло Пахомія. Великій Пахомій, основатель кинзитскаго подвижничества, подвизающійся въ храмѣ Сераписа является нагляднымъ знаменемъ этого историческаго факта.

Такою же большою освѣдомленностью обнаруживаетъ мемфисскій авторъ и въ своихъ сообщеніяхъ по біографіи Θεодора, ученика Пахомія и только изъ его разсказа мы можемъ ознакомиться съ той драмой, какая разыгралась въ семействѣ Θεодора по поводу его желанія уйти въ монашество и какія, несомнѣнно, были обычными явленіями въ кругу того общества, къ которому принадлежалъ Θεодоръ. Сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, онъ 8 ми лѣтъ отданъ былъ въ школу, чтобы научиться писать и пройдя ее съ успѣхомъ, получилъ большія познанія. Уже въ 14 лѣтъ у него проявилась склонность къ аскетизму. Насталъ праздникъ Богоявленія: по этому поводу родители его устроили роскошное торжество, приготовили прекрасныя кушанія. Придя изъ школы, юный сынъ, увидя всю торжественную обстановку дома и роскошный столъ, крайне смутился и сказавъ себѣ: „если ты будешь ѣсть эти кушанія, то Богъ не даруетъ тебѣ благъ вѣчной жизни ¹⁾“, ушелъ въ уеди-

1) Греческій авторъ никакъ не можетъ вынести простаго коптскаго стня и слова Θεодора передѣлываетъ посвоему: „что пользы тебѣ, несчастный Θεодоръ, если ты приобрѣтешь весь міръ и, наслаждаясь временными благами, лишишь себя вѣчныхъ и безсмертныхъ благъ? такъ какъ никто не можетъ одновременно и наслаждаться настоящими благами и снискать награду вѣчной жизни (назиданіе) Vita Pach. et Theod. ed. Boll § 23,

ненное мѣсто дома и оставался въ глубокомъ раздумьи. Мать, которая изъ всѣхъ дѣтей своихъ наиболѣе любила Теодора, узнавъ, что онъ пришелъ изъ школы и, нигдѣ не видя его, долго искала его повсюду. Войдя въ уединенное мѣсто, гдѣ находился Теодоръ, и увидя своего сына въ слезахъ, сказала: „кто виновникъ твоей печали? (скажи), чтобы я поразила его своимъ гнѣвомъ; но пойдемъ кушать; сегодня большой праздникъ; съ утра уже я, братья и всѣ, находящіеся у насъ ждутъ тебя“. Теодоръ кротко отвѣтилъ: „идите и кушайте; я не буду ѣсть никогда“, и утромъ слѣдующаго дня убѣжалъ въ монастырь, находившейся близъ Эсне, изъ котораго, по истеченіи шести лѣтъ, и пришелъ къ Пахомію, будучи 20 лѣтъ ¹⁾.

Любопытно сопоставить извѣстія греческой и мемфисской редакціи, о другомъ Теодорѣ, — александрійскомъ. „Нѣкто чтецъ и аскетъ—рассказываетъ греческій авторъ,—соименный Теодору (?), услышавъ о Пахоміи и братьяхъ его и взошедши на корабль прибылъ въ Тиваиду, какъ мужъ выдающійся по благочестію и послушанію, подобно одной изъ овецъ Господа (?). И онъ преуспѣвалъ въ аскетизмѣ свыше мѣры. Что же касается до его правовѣрія, то онъ былъ близокъ къ источнику, текущему въ вѣчную жизнь, почерпая отсюда въ свое плодоносіе. Говоримъ объ архіепископѣ,—не только о святѣйшемъ тогда Аванасіи, который не всегда занималъ престолъ александрійскій,—но о томъ, кто сказалъ: гдѣ два или три собраны во имя Мое, тамъ Я среди ихъ,—говоримъ, о Христѣ, Сынѣ Бога Живаго, основаніи истинной церкви Богочеловѣкъ. Его (т. е. Теодора, а не Богочеловѣка), пребывающаго въ хорошей жизни, Пахомій возлюбилъ такъ, что самъ занялся изученіемъ греческаго языка ²⁾“. вмѣсто этого безысторичнаго сумбура благочестія и назидательности мемфисскій авторъ предлагаетъ слѣдующія интересныя данныя. Былъ одинъ молодой человѣкъ, по имени Теодоръ, жившій въ Ракоти (Александріи), 27-ми лѣтъ отъ роду.

1) A. d. M. G, XVII, 41—47. Греческое житіе путаетъ хронологію Теодора: 14 лѣтъ Теодоръ уходитъ изъ родительскаго дома (§ 23), 14-ти же лѣтъ онъ встрѣчается и съ Пахоміемъ (§ 19); оно опускаетъ изъ вниманія 6 лѣтнее пребываніе его въ монастырѣ при Эсне, о чемъ, однако оно знаетъ.

2) Vita Pach. et Teod., ed. Boll., § 60

Онъ былъ язычникомъ и родители его держали въ дѣвствѣ. Ему пришла мысль сдѣлаться христіаниномъ, и онъ увѣдомилъ о своемъ желаніи Аванасія, тогдашняго архіепископа Александріи. Аванасій крестилъ Теодора и сдѣлалъ его чтецомъ въ своей церкви. 12-лѣтъ онъ пробылъ чтецомъ, продолжая предаваться аскетическимъ подвигамъ. Когда же онъ увидѣлъ, что александрійскіе клирики жили въ постоянной ссорѣ между собой,¹⁾ въ стремленіи къ ложному блеску, пышности и гордости, онъ воздыхая говорилъ Господу: „Господи, укажи мнѣ хоть одного человѣка, который во всемъ слѣдовалъ бы святой Твоей волѣ!“—За эти одни слова Теодора, сохраненныя мемфисскимъ авторомъ, можно продать все греческое житіе. То, что высказалъ здѣсь Теодоръ,—то чувствовали сотни людей IV вѣка. Обращеніе Константина Великаго въ христіанство и провозглашеніе христіанства религіей государственной не осуществило царства Божія на землѣ, какъ того ожидали лучшіе люди христіанства. Напротивъ, уничтоживъ грань, рѣзко отдѣлявшую ранѣе язычскій міръ отъ христіанства, реформа, произведенная Константиномъ, открыла свободный путь для еще большаго омірщенія христіанскихъ нравовъ. Не только простой народъ, но и клирики ничѣмъ не отличались по своему поведенію отъ сосѣднихъ имъ язычниковъ: они спорили между собой, стремились къ роскоши и выше всего ставили интересы своей личности. Къ какимъ позорнымъ поступкамъ прибѣгали иногда и сами епископы, чтобы устранить и опорочить своихъ противниковъ, о томъ свидѣтельствуетъ исторія аріанскихъ споровъ²⁾. Среди такого полуязыческаго, полухристіанскаго общества люди съ серьезными нравственными стремленіями чувствовали себя на каждомъ шагу опутанными паутиной грѣховнаго міра и не одинъ изъ нихъ, вѣроятно, подобно Теодору, восклицалъ: „Господи, укажи мнѣ такого человѣка, который во всемъ слѣдовалъ бы твоей

¹⁾ То былъ вѣкъ аріанскихъ споровъ, въ особенности сильно сказывавшихся въ Александріи

²⁾ Ср. наше. „Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени) Т. 1: исторія ученія о св. Троицѣ. Сергіевъ пос. 1906, стр. 296; прим. 2; 331; прим. 2

волѣ“, и, не находя его въ мірѣ, бѣжалъ искать въ пустыню. — Желаніе Теодора скоро осуществилось. Прибыли изъ Тавенниси братья, посланные Пахоміемъ для посѣщенія архіепископа и для исполненія нѣкоторыхъ монастырскихъ нуждъ. Теодоръ чрезъ переводчика ¹⁾ обратился къ нимъ съ просьбой взять его съ собой и доставить къ Пахомію. Получивъ дозволеніе архіепископа, онъ прибылъ въ Тавенниси и принять Пахоміемъ съ радостью, — тѣмъ болѣе, что онъ доставилъ Пахомію письмо отъ архіепископа съ лестной рекомендаціей ²⁾. Греческому автору, очевидно, показалась крайне непріятной та характеристика александрійскаго клира, какую онъ прочиталъ въ своемъ источникѣ изъ словъ Теодора, и онъ не только опустилъ эти слова его, но и передѣлалъ всѣ свѣдѣнія о немъ такъ, что отъ Теодора не осталось ничего живого.

Всѣ разсмотрѣнные сейчасъ пункты даютъ возможность наглядно видѣть, что авторъ мемфисской редакціи сбладалъ въ отношеніи къ нимъ болѣе точными и всесторонними свѣдѣніями, чѣмъ греческое житіе. Объяснять этотъ излишекъ, наблюдаемый въ мемфисской редакціи по сравненію съ греческой, одною склонностью коптовъ къ фантазии, необыкновенной способностью ихъ къ созиданію новыхъ фактовъ бозъ всякой дѣйствительной почвы невозможно уже потому, что съ точки зрѣнія исторической критики противъ этого излишка возразить ничего нельзя. Напротивъ, мы видѣли, что даже мелкія сообщенія коптскаго источника, какъ *un tugar des perses*, пребываніе Пахомія въ храмѣ Сераписа, сужденіе Теодора о нравственномъ состояніи современнаго ему александрійскаго клира находятъ себѣ подтвержденіе и объясненіе изъ совокупности обстоятельствъ того времени. Тезисъ, выставленный Ладѣзомъ и поддержанный И. Троицкимъ, что мемфисская редакція представляетъ собой только переводъ первоначальнаго греческаго житія, изданнаго Болландистами, поэтому, долженъ быть прямо отвергнутъ, какъ несоотвѣтствующій взаимному отношенію этихъ редакцій, и высказанное нами предположеніе, что оба авторы, греческій

¹⁾ Черта чисто историческая, показывающая точную освѣдомленность того источника, какичъ пользовался авторъ мамфисскаго житія.

²⁾ A. d. M. G. XVII, pp. 141—147.

и мемфисскій, пользуясь однимъ болѣе древнимъ источникомъ, переработывали находившійся тамъ матеріалъ по своему усмотрѣнію, получаетъ значительное подтвержденіе, причемъ наибольшая историческая вѣрность и полнота по крайней мѣрѣ въ рассмотрѣнныхъ случаяхъ падаетъ на долю мемфисской редакціи.

А. Спасскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).
